

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию

ДОСАЕВОЙ ГЛЕРЫ СУЛЕЙМАНОВНЫ

на тему

**«УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ»,**

**представленную в диссертационный совет Д 170.003.01, созданный
на базе Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Российский государственный
университет правосудия»**

**на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 12.00.08 - Уголовное право и криминология;**

уголовно-исполнительное право

Москва. 2017. 350 стр. с приложениями

Диссертационное исследование Г.С. Досаевой выполнено на весьма актуальную тему. Бесспорность данного утверждения обусловлена рядом обстоятельств.

Прежде всего, на сегодня это, пожалуй, единственное комплексное исследование института множественности преступлений, так глубоко пронизывающего содержательно-функциональную сущность таких системных образований, как совокупность и рецидив, проведенное с помощью методов анализа и синтеза. С их помощью автору диссертационного исследования удалось выявить узловые структурные модели, которые позволяют с большой долей вероятности сводить к минимуму источники грубейших ошибок при реализации данного института. Важность и своевременность настоящего исследования обусловлены также его межотраслевой и правоприменительной значимостью. Анализ специфики содержания и функций института множественности, так или иначе испытывающих на себе доктринальное, законодательное и

правоприменительное воздействие, необходим для продолжения модернизации в первую очередь оснований уголовной ответственности за одновременное или разновременное совершение нескольких деяний. Как результат, автору диссертационного исследования удалось сформировать непротиворечивую, действенную и эффективную теоретическую и нормативную концепцию множественности преступлений. Г.С. Досаевой удалось, как мне представляется, идеальную, создать многозначную модель множественности преступлений, позволяющей ей выдерживать зачастую непродуктивные решения законодателя, провоцирующего на масштабные обновления отечественного уголовного законодательства.

Актуальность темы настоящего исследования связана также с чрезвычайно динамичной коррекцией Особенной части Уголовного кодекса РФ. При этом недостаточное изучение процесса дифференциации составов преступлений в науке и правотворческом процессе негативно влияет как на состояние действующего института множественности, так и его правоприменительную практику, которая, к сожалению, не отличается единством.

С позиции позитивного права также наблюдается серьезное повышение роли и значения института множественности преступлений. Так, Федеральными законами Российской Федерации 2011, 2013, 2014 годов редакция ст. 17 и 18 УК РФ подвергалась законодательной коррекции, но и сегодня ее вряд ли можно назвать совершенной.

Можно согласиться и с тем, как сам диссертант обосновывает актуальность избранной темы (стр. 3-4 диссертации).

Изложенное ранее в совокупности позволяет сделать вывод о правильности выбора темы исследования, ее актуальности и востребованности.

Диссертационное исследование имеет логическую структуру, позволившую последовательно изучить общие, частные и особенные вопросы по заявленной теме. Диссертация состоит из введения, двух

разделов, четырех глав, разбитых на восемь параграфов, заключения, библиографии и приложений. Структура работы соответствует поставленной цели и заявленным задачам. Предложенные в работе авторские рассуждения завершаются соответствующими выводами, а в необходимых случаях, обосновываются предложениями по совершенствованию норм законодательства. Заслуживает особой позитивной оценки тот факт, что исследователь завершает каждый параграф, главы и разделы диссертационного исследования четкими выводами.

Научная новизна диссертационной работы усматривается в том, что в ее рамках предпринята и в целом реализована попытка четко аргументировать теоретическую концепцию институционального (структурного и содержательного) оформления правовых предписаний о множественности преступлений в системе российского права (с. 9 диссертации). Представляется, что в результате проведенного исследования научная новизна нашла свое отражение не только в положениях, выносимых на защиту, но и в ряде авторских идей, изложенных в работе (с. 9-11 и др.).

Научная новизна также отражена в положениях, выносимых на защиту, среди которых можно отметить следующие.

Отвечает признаком научной новизны выявление и обоснование несоответствия между объективным ростом случаев совершения одним лицом нескольких преступлений и искусственным ограничением сферы контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений (с. 11 диссертации). Особый интерес вызывает авторский тезис о том, что совершение преступления лицом, отбывшим наказание, но имеющим судимость, не может рассматриваться в контексте института множественности преступлений, так как это не связано с определением размера итогового наказания, назначенного за несколько преступлений (с. 12 диссертации). Более того, два отмеченных структурных отраслевых образования по итогам вторичной перегруппировки правовых институтов могут рассматриваться в качестве комплексного института

множественности преступлений (с. 12 диссертации).

В новом ракурсе рассмотрен вопрос относительно деления принципов уголовно-правового института множественности преступлений на три группы (пятое положение, выносимое на защиту).

В целом увенчалось успехом попытка автора диссертационного исследования обосновать приоритетность поглощения наказаний при их определении за множественность перед их сложением, а также приоритета частичного сложения наказаний перед полным сложением (пятое положение, выносимое на защиту).

В диссертации содержатся также и иные новые и нестандартные положения, достойные внимания и поддержки, поскольку представляют собой результат научных изысканий автора данного диссертационного исследования.

Выводы и положения, содержащиеся в работе, имеют высокую степень достоверности, что обеспечивается грамотным применением научных методов познания и подтверждается большим числом изученных литературных источников, полнотой использования нормативных правовых актов, анализом обширной правоприменительной практики (с.19-20 диссертации). Удачно выглядят в диссертации рисунки и таблицы, они в полном объеме насыщены иллюстративными свойствами. В качестве положительной черты методологической основы данного диссертационного исследования необходимо указать на то, что кроме общенаучных методов познания автором широко и вполне конкретно использованы и специальные методы, прежде всего, сравнительно-правовой. Применение последнего в значительной мере способствовало получению научного результата, обладающего высокой степенью достоверности.

Работа выполнена на основе тщательного теоретического анализа научной литературы и нормативных источников. Г.С. Досаева, демонстрируя повышенное внимание к научному наследию, глубоко изучает уже сложившиеся научные взгляды на рассматриваемую проблематику. По

спорным вопросам она стремится заявить свою позицию, приводя в ее обоснование соответствующие аргументы. При этом Г.С. Досаева грамотно выстраивает свою линию, что позволило ей, опираясь на собственную доктрину, прийти к убедительным выводам, подкрепленным материалами судебной практики, сформулировать авторские определения и внести предложения по совершенствованию законодательства.

В процессе изложения своих аргументов Г.С. Досаева последовательно отстаивает собственную позицию о необходимости проведения в плане *de lege ferenda* коррекции целого ряда статей Общей части УК РФ, в той или иной степени касающихся института множественности преступлений (десятое положение, выносимое на защиту). Справедливо отмечается, что множественность в уголовном праве образуют только деяния, криминализации которых не зависит от качества и свойств лица, их совершившего. В этой связи резонен тезис о том, что административная преюдиция при конструировании составов преступлений и дифференциации уголовной ответственности на основании признака судимости лица, совершившего преступление, не могут быть признаны элементами института множественности (четырнадцатое положение, выносимое на защиту).

Указание Г.С. Досаевой на то, что действующий уголовный закон в части регламентации множественности преступлений содержит пробелы. Это находит свое выражение в том, что не сформулировано общее понятие множественности, не детализированы критерии отграничения множественности преступлений от единичного сложного преступления и др. (см. десятое положение, выносимое на защиту) В этой связи нельзя не разделить озабоченность Г.С. Досаевой относительно того, что криминологические реалии свидетельствуют об объективном росте случаев совершения одним лицом нескольких преступлений. Уголовный же закон ограничивает сферу контроля множественной преступной деятельности лишь некоторыми сочетаниями преступлений, что в статистическом отношении позволяет продемонстрировать сокращение показателей

множественности преступлений (второе положение, выносимое на защиту)

Насыщенными позитивными компонентами представляются рассуждения автора относительно различия понятий «общественной опасности преступления» и «общественной опасности преступника», соотношения категорий «множественность преступлений» и «рецидива», понимания множественности преступлений и обстоятельств, характеризующих личность виновного, как объективного фактора др. (с. 15-18 и др. диссертации).

Нетрадиционно изложена историческая часть работы (с. 21 – 166 диссертации). Г.С.Досаева верно, на мой взгляд, подводит читателя к мысли о том, что отправной точкой исторического развития уголовно-правового института множественности преступлений следует признать Русскую Правду (с. 24-31 диссертации), что, в свою очередь свидетельствует о глубоких корнях национальных подходов в установлении уголовной ответственности за множественность преступлений. Излагая историческую периодизацию в эволюции уголовного законодательства, закрепляющего уголовную ответственность за множественность преступлений, Г.С.Досаева достаточно емко и аргументировано формулирует свои концептуальные выводы относительно досоветского (с. 21-90 диссертации), советского (с. 91-125 диссертации) и постсоветского (с. 125-166 диссертации) этапов.

Изложенные в исторических разделах диссертационного исследования процессы зарождения и нормативного воплощения идеи уголовно-правового противодействия множественности преступлений в отечественном праве вызывает большой интерес и обладает безусловной научной новизной. Это, в частности объясняется тем, что Г.С.Досаева сосредоточила свое внимание на выявлении общих тенденций и закономерностей развития исследуемого ею правового института. Позицию Г.С.Досаевой относительно исторического сравнения подавляющего числа системных образований, существенной частью которых является множественность преступлений, следует признать плодотворной. Считаю заслуживающим внимания один из важных

исторических выводов Г.С.Досаевой о том, что на каждом историческом этапе развития российской правовой действительности накапливался необходимый опыт, легший в основу качественной трансформации исследуемых законоположений (с. 53 и др. диссертации). Следует особо отметить, что Г.С.Досаева каждому из выделенных ею исторических этапов развития института множественности дает глубокий и достаточно детальный конструктивный анализ.

Следует поддержать базисные рассуждения автора диссертации о специфике развития советского уголовного законодательства относительно множественности преступлений (с. 91-125 диссертации). Представляет интерес широкое авторское видение проблем советской уголовной науки и практики применения института множественности. Заслуживает поддержки тезис о том, что важным итогом развития уголовно-правового учения о множественности преступлений стало признание ее самостоятельным институтом уголовного права. Вполне аргументировано отражено тяготение данного института к категории преступлений, что явилось основанием для отказа от учета личностных особенностей преступника при определении форм множественности, вытеснение данных о личности в сферу общих критериев назначения наказания (с. 124-125 диссертации).

Интересно выстроена поисковая система в определении места множественности преступлений как субинститута преступления в системе уголовного права (с. 136 – 146 диссертации). Г.С.Досаева обоснованно присоединяется к многочисленным и давно озвученным предложениям о выделении предписаний о понятиях и видах множественности преступлений в самостоятельную главу УК РФ (с. 144-145 диссертации). Диссертант делает верный вывод о том, что в качестве элемента структуры отрасли выступают: предметный моноинститут понятия и видов множественности преступлений и обусловленный им субинститут назначения наказания при наличии множественности преступлений в рамках института назначения наказания (с. 146 диссертации).

Исследовав существующие в науке уголовного права взгляды на практику применения соответствующего института уголовного права, как на источник права, Г.С. Досаева вполне обоснованно, хотя и осторожно, высказывает свои сомнения относительно того, что в его роли может выступать постановление Пленума Верховного Суда РФ. Верно ее утверждение, что одной из значимых особенностей судебной практики как источника права является ее, по преимуществу «точечный», прецедентный характер (с. 160-165 диссертации).

Подробно изучая вопросы, касающиеся статистических и криминологических аспектов множественности преступлений, Г.С.Досаева делает правильный, на мой взгляд, вывод о том, что на сегодня ни уголовным законодательством, ни уголовно-правовой доктриной не разрешен сущностный, методологический вопрос о том, что же именно – множество преступлений или лицо, совершившее это множество, выступает основанием для усиления уголовной ответственности и наказания (с. 167-198).

Детальное исследование признаков и социально-криминологических оснований множественности преступлений как уголовно-правового феномена, позволило Г.С.Досаевой сформулировать вполне привлекательное, на мой взгляд, определение множественности преступлений. По ее мнению, множественность преступлений – это такая предусмотренная уголовным законом ситуация совершения одним лицом двух и более самостоятельных преступлений, при которой правоприменителю необходимо определить этому лицу итоговое наказание (с. 198-232 диссертации).

Рассматривая перспективы совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений (с. 233-289), Г.С.Досаева высказывает ряд серьезных суждений, имеющих концептуальное значение в рамках исследуемых ею проблем. (с. 233-260 диссертации). В частности, она достаточно аргументировано выдвигает тезис о том, что рецидив не увеличивает опасность совершенного преступления, но является

убедительным свидетельством возрастания общественной опасности лица, совершившего несколько преступлений (с. 241 диссертации). Нельзя не согласиться с Г.С.Досаевой и в том, что она обоснованно предлагает вернуться к концепции рецидивиста, так как рецидив свидетельствует об увеличении уровня общественной опасности личности преступника, а не совершенного им преступления (с. 247 диссертации). Я разделяю позицию Г.С.Досаевой относительно того, что она считает целесообразным исключение положений о совокупности приговоров из действующего законодательства и рассмотрение этого сочетания в одном ряду с совокупностью преступлений - реальная совокупность – (с. 255 диссертации). Г.С.Досаева уделила довольно серьезное внимание проблемам квалификации преступлений (с. 260-289 диссертации). Заслуживает поддержки идея автора диссертационного исследования относительно того, что административной преюдиции и дифференциации уголовной ответственности на основании признака судимости лица, совершившего преступление, не должно быть места в уголовном праве (с. 268 диссертации).

К числу удачных авторских достижений следует отнести раскрытие специфики содержания, структуры, юридической техники и правил квалификации единичного преступления (с. 268 – 289 диссертации).

Глубокое и тщательное изучение данного диссертационного исследования убеждает меня в том, что положительной оценки заслуживают авторские выводы относительно совершенствования уголовного закона в части противодействия множественности преступлений чему посвящена четвертая глава работы (с. 233-289 диссертации). Это невозможно было сделать без выхода на системные проблемы уголовного права, без четкого содержательного и функционального разграничения таких понятий, как "множественность преступлений", "совокупность преступлений", «совокупность приговоров» и "рецидив". Среди целого ряда суждений, касающихся множественности преступлений, Г.С. Досаева умело, юридически выверено, с высокой дискуссионной культурой отстаивает свои

взгляды на существо анализируемой им темы. В частности, наиболее ярко это проявилось при обосновании введения в УК РФ весьма серьезных новелл. Они заслуживают положительной оценки (с. 233 – 289 и др. диссертации). В равной степени высокой оценки заслуживают предложения Г.С.Досаевой по исключению из УК РФ того, что уже органически отторгается доктриной уголовного права и правоприменительной практики.

Выводы и предложения Г.С.Досаевой относительно места и роли уголовно-правового института "множественности преступлений" в сфере уголовной политики с учетом быстро меняющегося общего криминального фона не только в пределах Российской Федерации, но и за ее пределами, также заслуживают внимания. Вместе с тем, они должны быть доказаны автором во время публичной защиты в аспекте их связи с предметом диссертационного исследования.

Вместе с тем, как и в любой творческой и остро дискуссионной работе, в диссертационном исследовании Г.С.Досаевой вполне объективно присутствуют спорные суждения и выводы, вопросы полемического характера, с некоторыми из них трудно согласиться в полном объеме. Основные замечания и вопросы сводятся к следующему.

1. Представляется, что глава третья диссертации (с. 167-233 диссертации) по своему содержанию ориентирует читателя на более широкий аспект авторских рассуждений, нежели тот, который лежит в основе названия самого диссертационного исследования и даже ее главы третьей. Статистическая, социальная и криминологическая характеристики института множественности преступлений в таком варианте ориентируют авторские рассуждения, как бы, во вне, в сферу раскрытия социальных и криминологических факторов. Эти факторы необходимо предопределяют содержание, структуру и системные признаки множественности преступлений, насыщают динамику ее развития социальными и криминологическими компонентами. Именно в силу этого они лежат вне института множественности преступлений. Содержание же самой

множественности преступлений, а именно об этом идет речь в названии диссертации, обращено вовнутрь, в глубину самого уголовно-правового института. Невольно напрашивается вывод о том, что содержание главы третьей диссертации вышло за жесткие рамки, обозначенные названием темы диссертационного исследования и предмета диссертационного исследования.

2. Как утверждает Г.С.Досаева в положении четвертом, вынесенном на защиту, в структуре уголовного права нормативные предписания о множественности преступлений представлены двумя группами, с чем имеет смысл согласиться. Однако, вначале речь идет о регламентации назначения наказания, что составляет субинститут института назначения уголовного наказания, а вслед за этим говорится о понятии и видах множественности преступлений, которые регулируют самостоятельный вид отношений, связанных с совершением лицом нескольких преступных деяний и по своей природе составляют институт уголовного права (с.12 диссертации). Логика, в том числе и уголовно-правовая, подсказывает, что во взаимоотношении преступления и наказания функционально-содержательный приоритет отдается первой. Возможно, в такой алогичной последовательности имеется какой-то скрытый авторский смысл? Требуется пояснение.

3. В положении пятом, выносимом на защиту; автор диссертационного исследования приводит констатирующее утверждение относительно установления системы принципов уголовно-правового института множественности преступлений (с. 13 диссертации). Фиксация факта, даже достаточно знакового для диссертационного исследования, без приглашения к дискуссии по данному вопросу, ставит под сомнение необходимость что-либо по данному факту защищать.

4. Раскрывая историографию института множественности преступлений XIX-XX вв., Г.С.Досаева утверждает, что конструирование наказаний, воздействующих на личность, сопровождалось в этот период постановкой перед наказанием ранее несвойственных ему целей, прежде всего цели устрашения лиц, склонных к преступлениям, исправления

преступников, и тем самым – предупреждение преступности. Данный тезис, с определенными оговорками и можно признать обоснованными. Однако, вызывает возражение авторский вывод о том, что централизация государства, классовая борьба, передел феодальной собственности – выступали лишь историческим фоном, на котором и разворачивались исследуемые процессы трансформации уголовного права (с. 38 диссертации). Думается, что придание указанным объективным факторам реальной исторической действительности функции пассивного фона, вряд ли в полном объеме верно, тем более относительно проблемы противодействия преступности. Преступность своей пуповиной жестко привязана, прежде всего, к базисным, экономико-политическим процессам.

5. На странице 146 диссертации Г.С.Досаева утверждает, что в качестве элемента структуры отрасли (следует подразумевать – уголовно-правовой) выступает, в частности предметный моноинститут понятия и видов множественности преступлений. Хотелось бы услышать при защите пояснение по поводу того, чем данный моноинститут отличается от субинститута множественности преступлений, а эти два – от института множественности преступлений и института понятия и видов множественности преступлений, каково их соотношение?

6. Нельзя не согласиться с мнением Г.С.Досаевой относительно того, что исходной посылкой для развития теории и практики уголовно-правового противодействия множественности преступлений должно стать предельно четкое позиционирование социальных оснований этого института, различение понятий общественная опасность преступления и общественная опасность личности преступника (с. 258-259 диссертации). Вместе с тем, вопросы вызывает не само мнение Г.С.Досаевой, а пояснительный к нему тезис. Совершение нескольких преступлений, разъясняет автор диссертационного исследования, всегда свидетельствует о возрастании опасности личности (первое утверждение автора диссертационного исследования), оно приводит также к аккумуляции опасности этих

нескольких преступлений (второе утверждение автора диссертационного исследования), но оно не может свидетельствовать о возрастании общественной опасности каждого отдельно взятого последующего преступления (третье утверждение автора диссертационного исследования). Возникает вопрос, кому или чему адресована аккумулирующая опасность, если она не сориентирована на личность преступника и нейтральна к общественной опасности каждого отдельно взятого последующего преступления?

7. Красной нитью через все диссертационное исследование пролегла авторская идея о том, что институт множественности преступлений не только содержателен, структурирован, но и обладает, органически ему присущими, системообразующими свойствами. Г.С.Досаевой удалось эти свойства института множественности раскрыть и обозначить их функциональную привязку. Не в малой степени этой проблеме посвящен второй параграф четвертой главы (хотя не только он один). Однако, как мне представляется, именно в этом параграфе наиболее четко обозначился отход Г.С.Досаевой от этой самой системности. Проявилось это в том, что в качестве творческого полигона для раскрытия проблем квалификации множественности преступлений были выбраны составы произвольных, спонтанно выбранных преступлений. Приходится только судить, могут ли быть распространены концептуальные авторские суждения к другим, неназванным в своей творческой работе составам преступления, либо они имеют значение только для тех, о которых речь идет в параграфе втором четвертой главы диссертации.

8. К сожалению, текст столь солидного диссертационного исследования должным образом не выверен. Досадно. В качестве примера можно привести написание указательного местоимения «то же самое время» слитно в словосочетании: «В тоже время» (с. 29, 208, 281 и др. диссертации).

Указанные замечания и пожелания не снижают общей положительной

оценки настоящей работы. Результаты диссертационного исследования Г.С.Досаевой имеют важное теоретическое и практическое значение, могут быть использованы для дальнейшей разработки и совершенствования норм российского права, регулирующего общественные отношения, возникающие в сфере применения института множественности преступлений.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию: в 44 публикациях соискателя (в том числе в 19 изданиях, рекомендованных ВАК России); в материалах научно-практических конференций. Основные результаты диссертационного исследования, положения диссертационной работы опубликованы в установленном порядке. Автореферат диссертации отражает основные положения работы.

В целом диссертация Г.С.Досаева является самостоятельным завершённым научно-квалификационным исследованием, содержащим решение задачи, имеющей существенное значение для науки российского уголовного права и криминологии. Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к исследованиям на соискание ученой степени доктора юридических наук, предусмотренным п 9-14 раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в ред. от 02.08.2016), а ее автор Глера Сулеймановна Досаева - заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 - Уголовное право и криминологии; уголовно-исполнительное право.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ:

Заслуженный деятель науки РФ,
зав.кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО
«Уральский государственный юридический университет»,
д.ю.н., профессор

КОЗАЧЕНКО ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

Подпись Козаченко И. Я. удостоверяю
Будущий документовед
диссертационных советов

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, uglaw@yandex.ru, тел.: 8 (343) 375-08-46
Пастухова Ю. В.
«17» апреля 20 17